
КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОВЕСТЯХ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

ДИАНА ГАЗАРОВА

В произведениях С. Довлатова встречаются самые разнообразные способы выражения категории определенности/неопределенности (О/НО): неопределенные и определительные местоимения, указательные местоимения, местоименное числительное *один*, односоставные конструкции. Однако произведения С. Довлатова, посвященные описанию жизни в эмиграции, особенно изобилуют грамматико-семантическими проявлениями категории О/НО. И это, на наш взгляд, неслучайно. Само понятие «эмиграция» представляет для С. Довлатова нечто неопределенное и неясное, о чем он неоднократно говорит:

В эмиграции было что-то нереальное. Что-то, напоминающее идею загробной жизни («Иностранка»).

В эмиграции дело запутывается еще больше («Марш одиноких»).

На словах эмиграция казалась реальностью. На деле – сразу возникало множество проблем («Иностранка»).

Это объясняется и тем, что эмиграция направлена, нацелена на будущее, которое обычно, а в чужой стране – тем более, бывает неопределенным:

Наша тема – Россия и ее будущее. С прошлым все ясно. С настоящим – тем более: живем в эпоху динозавров. А вот насчет будущего есть разные мнения. Многие даже считают, что будущее наше, как у раков, – позади («Филиал»).

Таким образом, категория О/НО проявляется уже на лексическом уровне. В настоящей статье мы рассмотрим четыре повести Сергея Довлатова: «Иностранку» и «Марш одиноких», посвященные описанию жизни в эмиграции, и «Чемодан» и «Наши» – сборники историй, происшедших с автором в различные периоды его жизни, но все эти истории произошли на родине. На примере этих повестей мы попытаемся показать и доказать, что эмигрантские произведения Довлатова неслучайно пронизаны самыми различными средствами выражения категории О/НО. Мы рассмотрим неопределенные местоимения (НМ) и односоставные предложения, разнообразие их значений и функций в произведениях С. Довлатова.

Местоимения с *-то* вызывают особый интерес как средства выражения категории О/НО. Данные местоимения выражают значение неопределенности, неизвестности, и во всех рассматриваемых повестях они используются практически в равной мере (23 примера в «Чемодане», 27 – в «Иностранке», 20 – в «Марше одиноких»). Однако интересно, что в повестях «Чемодан» и «Наши» (условно назовем эти повести доэмигрантскими, руководствуясь не местом их публикации, а местом описываемых в них событий) чаще всего

местоимения с **-то** употребляются в значении собственно неопределенности, когда говорящий не помнит или не знает, субститутом кого или чего является местоимение:

*Вместо пепельницы я использовал банку с **каким-то** чернильным раствором («Чемодан»).*

*Поступила, если не ошибаюсь, в **какое-то** спортивное издательство («Чемодан»).*

*Шлиппенбах позвонил в бутафорский цех **какому-то** Чипе («Чемодан»).*

*Он стал административным работником. Он был директором **чего-то**. Или заместителем директора по **какой-то** части («Наши»).*

Что же касается повестей «Иностранка» и «Марш одиноких», полностью посвященных жизни в эмиграции, то здесь НМ используются, чтобы выразить незначительность, а подчас и пренебрежительность. Автор как бы подчеркивает ненужность конкретизации того или иного референта, указывает, что все это не нуждается в снятии неопределенности.

*А потом начались **какие-то** встречи около синагоги. **Какие-то** «Памятки для отъезжающих». **Какие-то** разговоры с иностранными журналистами («Иностранка»).*

*Затем началась эмиграция. И повалил народ обратно, в евреи. Замелькали **какие-то** бабушки из города Шклова. **Какие-то** дедушки из Бердянска. Мой знакомый Пономарев специально в Гомель ездил, тетку нанимать («Марш одиноких»).*

– Может, – спрашиваю, – в госпиталь тебя отвезти?

– Не стоит. Я все это косметикой замажу.

– Тогда звони в полицию.

*– Зачем? Подумаешь, событие – испанец дал **кому-то** в глаз. Вот если бы он меня зарезал или пристрелил («Иностранка»).*

Последний пример особенно интересен: даже в том случае, когда у местоимения вполне определенный референт, употреблено местоимение с **-то**, тем самым автор как бы подчеркивает одноликость, присущую эмиграции, т.е. референт воспринимается именно как 'кто-то незначительный', как 'один из многих, тысячи ему подобных'.

В повестях «Чемодан» и «Наши» НМ с **-то** используются в тех случаях, когда референт неизвестен говорящему или говорящий не помнит референта, и во всех этих случаях мы можем говорить о собственно неопределенности:

*Собираясь в редакцию, я натянул уродливую лыжную шапочку, забытую **кем-то** из гостей («Чемодан»).*

*Только Лихачев молчал. Видно, думал о **чем-то** («Чемодан»).*

В «Иностранке» и «Марше одиноких» НМ служат для усиления неясности происходящего и его незначительности в силу этой неясности. Точнее, происходящее не то чтобы незначительно, просто оно повторяется изо дня в день и, как и многое в эмиграции, не совсем понятно участникам ситуации. Здесь мы можем говорить об относительной, факультативной неопределенности, которая в произведениях С. Довлатова обрастает добавочными оттенками. Само построение конструкций и столь частое употребление в них НМ свидетельствуют не столько о нерелевантности

референта, сколько о нерелевантности и незначимости самого действия в ситуации всеобщей неопределенности. Можно утверждать, что в эмигрантских повестях С. Довлатова преобладает общая неопределенность. Что же касается ее частных проявлений, то здесь правильнее говорить не о неопределенности, а о незначительности происходящего и отсутствии нужды в определенности, поскольку семантическое наполнение понятия «эмиграция» остается неопределенным. Автор как бы подчеркивает, что не нужно конкретизировать частное, так как общее явление – эмиграция – остается до конца невыявленным.

Рано утром я выхожу за газетой. С кем-то здороваюсь. Покупаю горячие булочки к завтраку. Начинается день. И я к нему готов («Марш одиноких»).

Колонки редактора появились не от хорошей жизни. Необходимо было что-то доказывать уважаемой публике. О чем-то просить. Осветить какие-то подробности редакционного быта («Марш одиноких»).

И настолько всё, связанное с новой, эмигрантской, жизнью, неясно и абстрактно, что часто в конструкциях с неопределенными местоимениями употребляется слово «вроде»: автору всё кажется каким-то подобием, поскольку происходящее ново и не всегда понятно:

Местных жителей у нас считают чем-то вроде иностранцев. Если мы слышим английскую речь, то настораживаемся («Иностранка»).

У них получилось что-то вроде гражданского брака («Иностранка»).

В четверг Маруся получила 73 доллара. Что-то вроде стипендии («Иностранка»).

Маруся испытывала что-то вроде любви к этому гордому, заносчивому, агрессивному неудачнику («Иностранка»).

Автор как бы не осмеливается называть явления своими именами, потому что все в эмиграции воспринимается по-новому, по-другому.

Часто НМ с **-то** могут обозначать не неопределенность, а пренебрежительное отношение говорящего к вполне определенному явлению. Налицо, так сказать, противоречие: неопределенное местоимение – и вполне определенный референт. У С. Довлатова много примеров, где НМ указывает именно на отношение говорящего к высказываемому.

Нас читает и поддерживает Брайтон. Там живут энергичные, предприимчивые люди. Их не волнуют отвлеченные, литературно-философские проблемы. Им нужны практические сведения, реклама, хроника, бизнес. Ну и конечно спорт. И больше ничего... А мы им предлагаем какие-то дискуссии («Марш одиноких»).

Марусе вспоминались лишь черты его давнишнего присутствия. Какие-то улыбки на лестнице. (Возможно, она принимала Рафаэля за человека из домовой хозобслуги.) Какие-то розы, брошенные в ее сторону из потрепанной автомашины. Протянутые Левушке конфеты за четыре цента («Иностранка»).

Здесь употребление НМ в их первом, собственно неопределенном значении кажется не совсем уместным, ибо местоимения выполняют совершенно другую функцию: с одной стороны, они лишь показывают, как

незначительно все происходящее для говорящего, а с другой – на то, что ему неясна цель действий, о которых говорится.

Что касается местоимений с *-нибудь*, то в этих случаях референт не фиксирован, не выбран, а потому в данных местоимениях присутствует сема «альтернативы». Е. В. Падучева противопоставляет местоимения с *-то* и *-нибудь* как собственно-неопределенные и нереферентные. По ее мнению, если говорящий не имеет в виду конкретного референта, то референта на данный момент и не существует, поэтому местоимения типа *-нибудь* она называет нереферентными¹. Между тем нужно учитывать, что референт просто не выбран, но он, безусловно, существует.

Исследователи отмечают такой признак различия местоимений с *-то* и *-нибудь*, как наличие/отсутствие альтернативы. В частности, О. Н. Селиверстова отмечает: «Местоимения с *-нибудь* всегда показывают, что актантной позиции соответствует некоторый выбор альтернатив, создаваемый элементами описываемого множества или членами класса, но при этом актантная позиция будет (должна, может и т. д.) или была бы (если бы событие реализовалось) заполнена только одной (или иногда – по крайней мере одной, но не всеми) из возможных альтернатив. Напротив, местоимения с *-то* указывают на отсутствие альтернативы или – в некоторых условиях – не несут информации о наличии альтернативы»².

Местоимения с *-нибудь* часто бывают равнозначны выражениям *кто бы то ни был, что бы то ни было, кто/что угодно*. С. А. Крылов и Е. В. Падучева относят их к экзистенциальным, которые «предполагают существование класса объектов с некоторыми свойствами, но не вводят в рассмотрение никакого конкретного объекта из данного класса (“Петя хочет жениться на какой-нибудь студентке”»)³.

– *Хорошо, – сказала Муся, – ну, положим, я все это изложу. И что же дальше? – Дальше мы все это напечатает. Ваш случай будет для кого-нибудь уроком. – Кто же это напечатает? – спросила Муся. – Кто угодно* («Иностранка»).

Наличием альтернативы и обусловлено частое употребление местоимений с *-нибудь* в условных, вероятностных, ирреальных высказываниях.

– *Плохо, – говорила Маруся, – что вы женаты. Мы бы поладили... А главное, ваша жена – потрясающе интересная дама. Через месяц завела бы себе кого-нибудь получше* («Иностранка»).

– *Хорошо бы в жалобную книгу написать. Или позвонить куда-нибудь* («Марш одиноких»).

В рассматриваемых нами произведениях С. Довлатова очень часто встречаются НМ с *-нибудь*. Во всех случаях они использованы в значении

¹ См. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985; Падучева Е. В. Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (О подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) // «Известия РАН», 1997, № 2.

² Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М., 1988, с. 106.

³ Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоимение // «Лингвистический энциклопедический словарь». М., 1990, с. 295.

альтернативы, выбора. Однако, что интересно, в доэмигрантских повестях «Наши» и «Чемодан» встречаются такие конструкции с НМ с **-нибудь**, которые указывают на дистрибутивность, повторяемость того или иного действия, причем всегда – в прошлом:

*Что-то привлекло ее внимание за кадром. Может, **какая-нибудь** бродячая собака. Позади, за деревьями, виднелся фасад царскосельского Лицея («Чемодан»).*

*То есть иногда я вдруг становился участником **какой-нибудь** районной химической олимпиады («Наши»).*

*Тётка редактировала Юрия Германа, Корнилова, Сейфуллину. Даже Алексея Толстого. И о каждом знала **что-нибудь** смешное («Наши»).*

В эмигрантских же повестях «Иностранка» и «Марш одиноких» конструкции с НМ с **-нибудь** всегда устремлены в будущее, которое неопределенно вообще, а в эмиграции – тем более:

*– Напиши об Америке. Возьми **какой-нибудь** сюжет из американской жизни. Ведь ты живешь здесь много лет («Иностранка»).*

*Так что не суетись и занимайся английским. **Что-нибудь** подвернется («Иностранка»).*

*Хапнут завтра Советы **какую-нибудь** Полинезию. А мы в припадке благородного негодования отменим симпозиум. **Какой-нибудь** биологический форум по изучению ящериц. Да что там – экспорт устриц приостановим. В общем, не дадим цветка! Пусть мучаются («Марш одиноких»).*

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемых произведениях местоимения с **-то** и **-нибудь**, помимо значения собственно неопределенности, чаще всего служат для указания на незначительность явлений и событий в контексте общей неопределенности понятия «эмиграция».

Основными синтаксическими средствами выражения категории О/НО являются односоставные предложения. Относительно определенно-личных и обобщенно-личных конструкций отметим, что они встречаются в произведениях С. Довлатова сравнительно мало, но мы можем сказать, что в данных конструкциях преобладает значение обобщенного лица. Говоря об обобщенно-личных предложениях, Н. С. Валгина отмечает: «Предложения данного типа распространены и в описаниях, в тех случаях, когда они помогают нарисовать картину типичного закономерного в данной ситуации протекания действия или состояния. Именно эта типичность и становится ситуативной основой значения обобщенности»⁴.

*Выбирая между дураком и негодяем, поневоле **задумаешься. Задумаешься и предпочтешь** негодяя («Марш одиноких»).*

Для обобщенно-личных предложений с главным членом, выраженным глаголом в форме 2-го лица, характерны две ступени обобщения:

1-я ступень: говорящий квалифицирует свое действие не как единичное, а неоднократно повторяющееся для него, то есть обобщенное только по отношению к нему самому⁵.

⁴ Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991, с. 170.

⁵ См. Осипова Э. Н. Русский синтаксис: односоставность предложения. Архангельск, 2009, с. 67.

Наконец мы эмигрировали. Живем в Америке. Присматриваемся к окружающей действительности. Спросишь у любого американца:

– Как дела?

– Фаин! – отвечает («Марш одиноких»).

Обычность, повторяемость действия передается специальной лексемой, глаголом *бывало* в форме прошедшего времени, в содержательной структуре которого сема итеративности, повторяемости⁶.

– А на Тамбовщине сейчас, поди, июнь... Малиновки поют... Выйдешь, бывало, на дальний плес («Марш одиноких»).

2-я ступень обобщения связана с распространением говорящим своего действия на «любое лицо, уже оказавшееся с ним в одной группе или потенциально могущее оказаться в подобных условиях»⁷.

В таких делах, если начнешь прислушиваться, одно расстройство («Иностранка»).

Взглянешь на много соотечественника – действительно, от гориллы. Причем недавно («Марш одиноких»).

В этих случаях «говорящий сознает, что действие в подобной ситуации может быть присуще любому лицу, и стремится подчеркнуть это, для чего употребляет форму 2-го лица, а не форму 1-го лица, так как последняя определенно относит действие к самому говорящему»⁸.

Отметим, что в эмигрантских произведениях С. Довлатова чаще употребляются обобщенно-личные предложения с 1-й ступенью обобщения, когда говорящий с помощью формы 2-го лица передает типичность, повторяемость действий.

Что же касается повестей «Чемодан» и «Наши», то интересно отметить, что в этих произведениях нам не встретились определенно-личные предложения в значении обобщения. В этих повестях определенно-личные предложения указывают как раз на вполне определенное лицо (на I или II и уж никак не на III – обобщенное):

– Желаешь рюмку водки? – Давай («Наши»).

– Нужен узбек. Возьмешься за это дело? – Ладно, – говорю, – но я тебя предупреждаю. Очерк будет социально значимым («Чемодан»).

Однако чаще всего в эмигрантских повестях С. Довлатова употребляются неопределенно-личные конструкции:

В душу не лезут. Здесь это не принято. Если разводятся с женой, идут к юристу. (А не к Толику – водку жрать.) О болезнях рассказывают врачу. Сновидения излагают психоаналитику. Идею своего противника стараются убедить. А не бегут жаловаться в первый отдел («Марш одиноких»).

В Тегеране захватили американское посольство («Марш одиноких»).

Говорят, здесь продают марихуану и оружие. Меняют иностранную валюту. Заключают подозрительные сделки («Иностранка»).

«В неопределенно-личных предложениях внимание сосредотачивается на

⁶ См. Казарина В. И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. Елец, 2007, с. 160.

⁷ Осипова Э. Н. Указ. соч., с. 67.

⁸ Там же, с. 68.

факте, событии, действии. Действующее лицо остается либо необозначенным, так как указание на него, с точки зрения говорящего, несущественно, либо оно неопределенно или неизвестно, и потому указание на него невозможно <...> Значение неопределенности лица отнюдь не влечет за собой снижения его активности как производителя действия, только сам по себе этот производитель действия не имеет значения, важно лишь производимое им действие»⁹.

В употреблении неопределенно-личных конструкций также наблюдаются интересные тенденции. Как отмечает В. Казарина, форма множественного числа глагольного предикатива (сказуемого) в неопределенно-личных предложениях не имеет значения множества. Действующим может быть и одно лицо, и многие лица. Оно может быть вполне определенным, на что есть контекстуальные или ситуативные указания¹⁰. «Круг действующих, но не вербализованных лиц в структурной организации неопределенно-личных предложений нередко подсказывается обстоятельствами, как правило, представляющими пространственную характеристику действия <...> Прямых указаний на действующие лица предложения могут и не содержать, однако круг действующих лиц мысленно может быть ограничен сферой их деятельности»¹¹. Примечательно, что в повестях «Наши» и «Чемодан» встречаются именно такие употребления неопределенно-личных конструкций. Сравним:

*Только что явился покупатель. Сейчас ему **выдадут** телевизор. Жди («Чемодан»).*

*В деканате **заговорили** про наш моральный облик («Чемодан»).*

В основном больные гуляли поодиночке. Некоторые сдержанно и отрешенно жестикулировали. Я не испытывал страха, только жалость.

*Наконец **позвали** моего дядю. К моему удивлению, дядя выглядел оживленным и бодрым. Он даже немного загорел. Сказал, что **кормят** хорошо. А главное, **разрешают** подолгу быть на свежем воздухе («Наши»).*

*Мой дядя хотел застрелить собаку, но жена его отговорила. Голду **отдали** на питомник («Наши»).*

Как видим, во всех приведенных примерах действующие лица вполне определены: 'продавцы', 'работники деканата', 'работники больницы', в последнем же примере есть и прямое указание на субъекты (дядя и его жена). Это так называемые классические случаи употребления неопределенно-личных предложений, когда главным является указание на само действие, а не его исполнителя. Что же касается «Иностранки» и «Марша одиноких», то в них встречаются неопределенно-личные конструкции в совершенно ином употреблении. Э. Н. Осипова, говоря о специфике неопределенно-личных предложений, отмечает, что синтаксически выраженная неопределенность лица-деятеля свидетельствует именно о ненужности конкретного обозначения действующего лица. За ненужностью может скрываться и невозможность

⁹ Валгина Н. С. Указ. соч., с. 166.

¹⁰ Казарина В. И. Указ. соч., с. 150.

¹¹ Казарина В. И. Указ. соч., с. 151-152.

назвать деятеля, вследствие его неизвестности, и нежелание, и другие причины. Но ненужность обозначения лица не означает, что лицо назвать невозможно или нежелательно (говорящему может быть и известен деятель, но он не ставит его обозначение целью или желает скрыть его, заинтриговать собеседника и т.п.)¹².

На наш взгляд, неопределенно-личные предложения больше всего подходят для изображения эмигрантской жизни: описывается общая обстановка, положение вещей, жизненный уклад, а для этого совершенно необязательно упоминать субъекта действия. Неопределенно-личные предложения подчеркивают нерелевантность указания исполнителя действия, и это тоже связано с общей атмосферой неопределенности, господствующей в эмиграции. Здесь важно не кто выполняет действие, а что за действие выполняется.

Бедняков постоянно штрафуют даже за то, что их собака оправилась в неположенном месте («Иностранка»).

Чернокожих в Америке давно уже не линчуют. Теперь здесь все наоборот («Иностранка»).

И в этом перечислении намеренно «обезличенных» действий видно желание автора передать общую атмосферу. Однако ненужность указания на лицо вовсе не приводит к обилию безличных предложений. В связи с этим нельзя не отметить факт (не раз рассматривавшийся лингвистами), что русский язык предпочитает демиактивный, пациентивный подход к описанию жизненных ситуаций: «Подобные предложения, субъект которых (в форме датива) представлен как не контролирующий происходящие события, в русском языке не только возможны, но и типичны; именно они в значительной степени определяют колорит подлинно русской речи»¹³; русский язык предпочитает конструкции, где сообщается не о том, что делает субъект, а о том, что с ним происходит. Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, «неопределенность и безличность постоянно тяготеют друг к другу»¹⁴. Она приводит слова В. Кюхельбекера об этой склонности русского народа к безличности: «У нас всё мечта и призрак, всё мнится, и кажется, и чудится, всё только будто бы, как бы, нечто, что-то...»¹⁵.

Однако в эмигрантских произведениях С. Довлатова безличные конструкции употребляются редко. Это связано с тем, что для довлатовского понимания явления эмиграции характерна неопределенность, но не безысходность, бездеятельность, свойственные безличным конструкциям. Поэтому, на наш взгляд, С. Довлатов так часто использует неопределенно-личные предложения и так мало безличные, в которых указывается на отсутствие субъекта, на необъяснимость каких-то событий. Субъект в этих произведениях С. Довлатова не отсутствует, он просто нерелевантен.

Характерным признаком грамматической семантики безличных предложений исследователи обычно называют значения стихийности,

¹² См. Осипова Э. Н. Указ. соч., с. 33.

¹³ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996, с. 59.

¹⁴ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998, с. 821.

¹⁵ Там же, с. 817.

непроизвольности, бесконтрольности, вербализованные в предложениях действий или состояний¹⁶. Но эта стихийность и отсутствие контроля преобладают в «загадочной русской душе» и в русской действительности. В эмиграции же многое для русских (и нерусских) эмигрантов неопределенно, неясно, но отнюдь не стихийно, и именно наличием систематизированности жизни в эмиграции (пусть и не совсем ясной) и обусловлено, по нашему мнению, минимальное использование С. Довлатовым безличных предложений. Как отмечает Э. Н. Осипова, «сущность категории безличности не в “устранении” или “отстранении” деятеля, а в выражении действия “без источника”, происходящего “само по себе”»¹⁷. В повестях же С. Довлатова действие не происходит само по себе, его выполняют конкретные лица, но указание на них излишне в контексте общей неопределенности.

Рассмотрение безличных конструкций в эмигрантских повестях С. Довлатова приводит к выводу о том, что автор предпочитает конструкции, выражающие два основных значения безличных предложений: неизбежность действия (конструкции с глаголом «приходиться») и желательность действия (конструкции с глаголом «хотеться»), но не его стихийность и бесконтрольность.

*Ее родители о чем-то догадывались, но молчали. **Пришлось** Марусе с ними объясниться* («Иностранка»).

***Пришлось** начинать все сначала* («Марш одиноких»).

*Просто мне **хотелось**, чтобы Нью-Йорк выглядел как-то доступнее* («Марш одиноких»).

В данных типах безличных конструкций субъект указан (формой датива), и это тоже неслучайно. С. Довлатов (осознанно или неосознанно) выбирает те безличные конструкции, в которых есть указание на субъект, т.е. вновь акцентируется действие, но оно не обезличено.

В повестях «Чемодан» и «Наши» картина несколько иная. Так, например, в «Наших» всего три раза используется конструкция «пришлось + инф.», причем один из случаев связан с эмиграцией:

*Через восемь лет нам с матерью **пришлось** эмигрировать* («Наши»).

Три раза встречаются конструкции «хочется + инф.», причем все три с отрицанием:

*Затем меня неожиданно посадили в Каляевскую тюрьму. Подробности излагать **не хочется*** («Наши»).

*Рассказывать об этом мне **не хочется*** («Наши»).

*В редакцию ехать **не хотелось*** («Чемодан»).

*Мне уже **не хотелось** редактировать воспоминания покорителя тундры* («Чемодан»).

Особо надо отметить безличные предложения с инфинитивом и оценочными словами на **-о**. Данные предложения лингвисты классифицировали по-разному: их относили и к односоставным (Е. М. Галкина-Федорук, В. В. Бабайцева, П. А. Лекант, Н. С. Валгина), и к

¹⁶ См. Казарина В. И. Указ. соч., с. 168.

¹⁷ Осипова Э. Н. Указ. соч., с. 87-88.

двусоставным (Г. А. Золотова, В. И. Казарина). Отметим, что подобных конструкций со значением долженствования, необходимости действия у С. Довлатова мало.

– Демократию надо внедрять любыми средствами. Вплоть до атомной бомбы!

Как известно, чтобы быть услышанным в Америке, надо говорить тихо («Иностранка»).

Нужно действовать совсем иначе. Нужно выпить («Чемодан»).

Поскольку понятие «эмиграция» неопределенно, не всегда понятно, что необходимо сделать. А вот безличные конструкции, выражающие возможность, потенциальность действия, встречаются намного чаще. Как говорил сам автор в «Марше одиноких», «единственной целью моей эмиграции была свобода, а тот, кто любит свободу, рано или поздно будет достоин ее». А на свободе, как известно или, по крайней мере, как предполагается, можно если не все, то многое. Именно поэтому так много в эмигрантских повестях С. Довлатова конструкций со словом «можно»:

Наше информационное агентство. Здесь можно навести любую справку. Обсудить последнюю газетную статью. Нанять телохранителя, шофера или, скажем, платного убийцу. Приобрести автомобиль за сотню долларов. Купить валокордин отечественного производства.

Познакомиться с веселой и нетребовательной дамой («Иностранка»).

Можно и воздержаться. Уйти с побитой физиономией. То есть – капитулировать («Марш одиноких»).

Фамилию и телефон можно узнать в домоуправлении («Чемодан»).

Наверное, такое расстояние можно одолеть лишь в два прыжка («Наши»).

Отметим, что и в употреблении данных конструкций наблюдаются различия. В эмигрантских повестях подобные конструкции у С. Довлатова направлены на ирреальность, и в этом смысле их тоже можно считать способом выражения категории О/НО. Ведь сам С. Довлатов писал: «Восемь эмигрантов из десяти мотивируют свой отъезд нравственными причинами. Мы выбрали – свободу. А получили – свободу выбора» («Марш одиноких»). Эта свобода выбора и обеспечила, на наш взгляд, столь частое употребление гипотетических безличных предложений. Автор указывает, что можно сделать, но нет уверенности в правильном выборе действия, а потому предлагается несколько решений.

Нам скомандовали – можно! Можно все. Можно думать, читать, говорить! Какое это счастье – говорить что думаешь («Марш одиноких»!).

Боже, в какой ужасной стране мы живем! Можно охватить сознанием акт политического террора. Признать хоть какую-то логику в безумных действиях шантажиста, мстителя, фанатика религиозной секты. С пониманием обсудить мотивы убийства из ревности. Взвесить любой человеческий импульс («Марш одиноких»).

В «Чемодане» и «Наших» нам не встретилось ни одной конструкции «можно+инф.», где предлагалось бы несколько решений – всегда одно предположение.

Можно здесь и переночевать, – сказал он, – только диваны узкие («Наши»).

Имея большую зарплату, *можно* позволить себе такую роскошь, как добродушие («Чемодан»).

Таким образом, вариативность, альтернатива, неопределенность выбора, характеризующие эмиграцию, выражается разнообразными языковыми средствами (НМ с *-нибудь*, «можно+инф.»).

Особый интерес вызывают инфинитивные предложения. Этот тип односоставных предложений не является способом выражения категории О/НО, однако у С. Довлатова данные конструкции также приобретают значение неопределенности.

Давая семантико-экспрессивную характеристику инфинитивных предложений, Е. С. Скобликова отмечает: «В инфинитивных предложениях перспектива действия характеризуется выявлением активного волевого или эмоционального отношения говорящего. Почти всегда они раскрывают деятельный поиск решений: побуждение к действию; вопросы с целью выяснить целесообразность действия или условий его совершения; экспрессивное утверждение его желаемости, целесообразности, необходимости, невозможности»¹⁸.

Выделяется два типа инфинитивных предложений с реальной модальностью: повествовательные и вопросительные¹⁹. В доэмигрантских повестях С. Довлатова встречаются повествовательные инфинитивные предложения:

Товарищи подумали и решили: «Исключить!» («Наши»).

– *Отставить*, – *прикрикнул майор*, – *сами хороши!* («Чемодан»).

В эмигрантских же повестях чаще всего употребляются вопросительные инфинитивные предложения, ведь именно они могут выражать значение неуверенности. Выражение сомнения, нерешительности, неуверенности, эксплицируемое инфинитивом, особенно отчетливо в тех случаях, когда говорящий обращает вопрос к себе и пытается сам разрешить проблему. Инфинитивные предложения, кодирующие названную функцию, являются едва ли не единственным средством вербализации сомнения, нерешительности в выборе правильного решения²⁰.

А как быть с теми, чье мнение я не разделяю? Их-то куда? В тюрьму? На сто первый километр? Может, просто заткнуть им глотку? Не печатать, не издавать, не экспонировать? («Марш одиноких»).

Да и не рано ли говорить о смерти? («Марш одиноких»).

Чем бы их таким порадовать, врагов? Может, окочуриться им на радость? («Марш одиноких»).

Инфинитивные предложения, характеризующиеся разнообразием значений (долженствование, необходимость, побуждение, желательность, возможность), практически не представлены у С. Довлатова. В его эмигрантских произведениях употребляются в основном вопросительные инфинитивные предложения, заключающие в себе значение неопределенности, неясности происходящего и как следствие – неуверенности в правильном выборе действия.

¹⁸ Цит. по: Казарина В. И. Указ. соч., с. 210-211.

¹⁹ См. там же, с. 212.

²⁰ См. там же, с. 215.

Таким образом, рассмотрев доэмигрантские и эмигрантские повести С. Довлатова в аспекте категории О/НО, мы приходим к следующим выводам:

- В эмигрантских произведениях НМ, выражая самые разнообразные значения, указывают не столько на неопределенность, сколько на ненужность раскрытия неопределенности частных явлений и событий в контексте общей неопределенности понятия «эмиграция».

- С точки зрения синтаксической неопределенность явления эмиграции выражается, прежде всего, в неопределенно-личных предложениях, где автор устраняет субъекта действия по той же причине: жизнь в эмиграции представляет собой череду не всегда понятных событий, явлений, а потому не всегда важно, кто эти действия выполняет.

- Поскольку эмиграция – неопределенное и неясное явление, то чаще всего С. Довлатов употребляет безличные конструкции, которые выражают возможность, потенциальность и вариативность действий.

- Неопределенность эмиграции выражается и в вопросительных инфинитивных предложениях, содержащих сему неуверенности в правильном восприятии происходящего.

Ключевые слова: категория определенности/неопределенности, неопределенные местоимения, факультативная неопределенность, эмиграция, односоставные предложения

ԴԻԱՆԱ ԳԱԶԱՐՈՎԱ – *Որոշակիության/անորոշության կարգը Սերգեյ Դովլատովի վիպակներում* – Հոդվածում համեմատվում են որոշակիության/անորոշության կարգի դրսևորման առանձնահատկությունները Սերգեյ Դովլատովի նախքան արտագաղթը և արտերկրում գրված վիպակների հիման վրա: Ինչպես ցույց է տալիս հեղինակը, գրողի այն վիպակներում, որոնցում նկարագրվում է արտագաղթյալների կյանքը, բազմիցս օգտագործվում են որոշակիության/անորոշության կարգի արտահայտման զանազան գործառական-քերականական միջոցներ: Այդ դեպքերում շատ հաճախ կարելի է նկատել հարաբերական, ֆակուլտատիվ անորոշության տարրեր:

Բանալի բառեր – *որոշակիության/անորոշության կարգ, անորոշ դերանուններ, ֆակուլտատիվ անորոշություն, արտագաղթ, միակազմ նախադասություններ*

DIANA GAZAROVA – *The Category of Definiteness/Indefiniteness in Sergei Dovlatov's stories.* – The paper touches upon the characteristics of the expression of the category of definiteness/indefiniteness in Sergei Dovlatov's stories. Details of stories written before and after emigration period are compared from this perspective. According to the author the stories describing the life of emigrants are full of various functional grammatical expressive means typical for the category of definiteness/indefiniteness. And very often, in such cases, we can speak about relative, optional indefiniteness.

Key words: *category of definiteness-indefiniteness, indefinite pronouns, optional indefiniteness, emigration, one-member sentences*